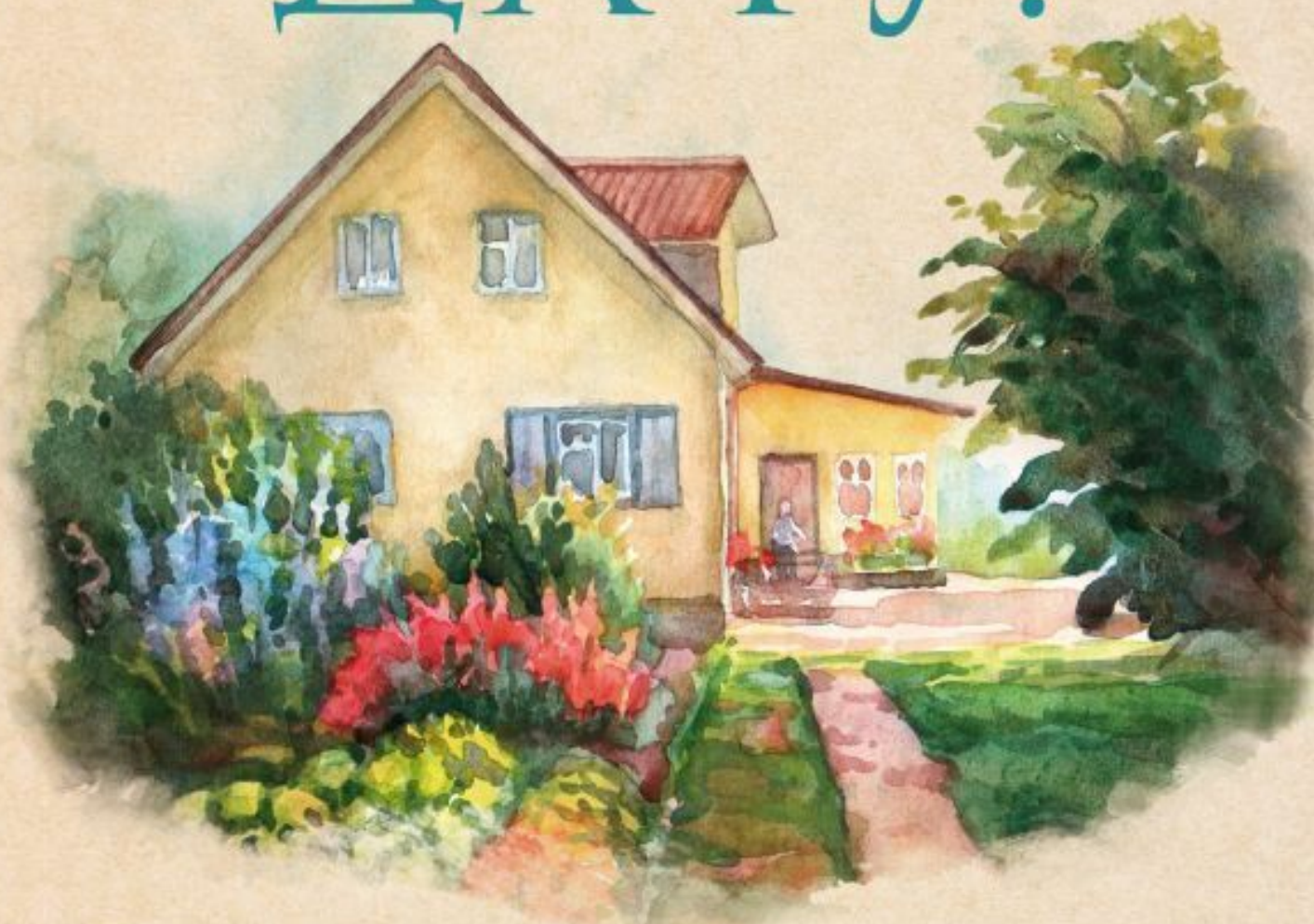


ВСЕ НА ДАЧУ!



«Мне приятно оказаться в компании молодых талантливых писателей. Верю, что скоро их имена украсят полки бестселлеров многих книжных магазинов».

Дина Рубина

ДИНА РУБИНА • АНАИТ ГРИГОРЯН
БУЛАТ ХАНОВ • ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
МАРИЯ АВЕРИНА • ВАЛЕРИЯ ПУСТОВАЯ

Четыре сезона. Книги для каждого времени года

Дина Рубина

Все на дачу!

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Рубина Д. И.

Все на дачу! / Д. И. Рубина — «Эксмо», 2020 — (Четыре сезона.
Книги для каждого времени года)

ISBN 978-5-04-111263-9

Ты ждешь лета, чтобы – каникулы, отпуск, не носить громоздкие шубы и пуховики, легко выходить из дома и до ночи не включать свет. Лето проходит долго и проходит быстро. Как первая любовь, как обещание чего-то, что больше самой жизни. Но каждый раз эта уловка срывается, и кажется, что в июне начнется новая судьба...

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-04-111263-9

© Рубина Д. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Дина Рубина	6
Мария Аверина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Дина Рубина, Мария Аверина,
Булат Ханов, Татьяна Соловьева,
Анаит Григорян, Валерия Пустовая
Все на дачу!**

© Рубина Д., текст, 2020
© Аверина М., текст, 2020
© Ханов Б., текст, 2020
© Соловьева Т., текст, 2020
© Григорян А., текст, 2020
© Пустовая В., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *



Дина Рубина

Долгий летний день в синеве и лазури

Греческие вывески очень трогательны: они напоминают старательные детские письма. Моя дочь в детстве так писала букву N – с перевернутой перекладиной. Видишь слово ТАΒΕΡΝΑ – и душа улыбается.

Вообще надписи, вывески, указатели, написанные на смеси родной кириллицы с таинственными зигзагами елочной конфигурации, рожают странное ощущение сна. Так во сне бывает: берешь в руки исписанный лист, пытаешься взглянуть в криво бегущую строку, перед глазами прыгают отдельные буквы, слоги... а смысл фразы ускользает.

Едешь в автобусе, и вдруг на повороте обрадованный глаз выхватывает вывеску: КАФЕ. И снова – в названиях ресторанов, магазинов, отелей – две-три русские буквы перемежаются фигурками шрифта пляшущих человечков из знаменитого рассказа о Шерлоке Холмсе.

А какие имена у всей здешней топографии: у водопадов, побережий, пляжей, монастырей, портов и таверн... у людей, наконец! Не говоря уж о древних богах, с которыми все здесь запанибрата, ибо те обитали не на небе, а по соседству и возникали там и сям не то чтобы по первому зову царей и героев, но частенько – достаточно часто, чтобы достойному древнегреческому писателю помочь сварганить приличный литературный сюжет.

Нашего водителя зовут Васи́лис, и глаза у него синие, как у василиска. Он все время улыбается плотно сжатыми губами с таким видом, будто знает о нас нечто пикантное. Вообще к нам – ко мне и моей подруге – он относится, кажется, с легкой иронией.

Его прислали, чтобы он не только рулил, но и разговаривал. Заказывая в отеле экскурсию, моя деятельная подруга сообщила портье, что с ней писательница, *известная русская писательница*, которая приехала на Крит за впечатлениями, и поэтому...

– Ладно, – сказали на том конце провода. – Мы пришлем водителя, который *что-нибудь скажет*.

И Васи́лис говорит – на твердом и отдельном английском, в особо патетические, вернее, патриотические моменты («Смотрите, сколько вокруг олив! миллионы!!! наше масло – лучшее в мире!»), переходя на мягко шелестящий, проворный греческий, в котором у каждого слова на конце либо восхитительный лисий хвост, либо залихватское притоптывание. Спустя минут двадцать такого разговора мне начинает казаться, что греческий я понимаю лучше, чем английский.

Ни за какими впечатлениями я сюда не ехала. Все просто: подруга Регина пригласила меня в трехдневную поездку на Крит, организованную профсоюзом банка, где она работает. Стоило все увеселение – хвала профсоюзу – сущие копейки, так что это был случай явно из тех, о каких моя бабка всегда говорила: «Жалко было не купить». Собственно, поехала я на Крит, чтобы расслабиться и хотя б на три дня отвлечься от работы над книгой, отдалиться от нее, отвернуться – так художники отворачивают лицом к стене незаконченный холст. И никаких впечатлений, пожалуйста. Одна лишь нирвана у синего моря, под музыку... сиртаки? или как это здесь называется?

Наш отель, новый и очень модный, спроектированный «в духе древних дворцов Эллады» (все, что я ненавижу в современной архитектуре: минимализм, стекло, металл, острые углы, неудобство во всем, и все принесено в жертву великому замыслу и стилю – при-

чем скоплению этих бараков выдано пять звездочек), наш супердорогой и очень модный отель находился в приморском городке или, скорее, деревушке под названием Колимпарии.

Приехали под вечер, а на рассвете я вышла на балкон и – видимо, наш балкон выходил на обратную сторону счастья – под утренним, еще бесцветным небом увидела скудный пейзаж Самарии: каменистые холмы, редкие эвкалипты и сосенки на них, вперемежку с какими-то колючими кустами. С одного склона горы на другой, тихо позвякивая колокольцами, перетекло стадо мохнатых местных козочек «кри-кри».

И никакого моря в обозрении, лишь молодые чахлые пальмы выстроились вдоль дорожек, дураки дураками, на задворках молодого отеля...

«Приехали», – подумала я и крикнула в комнату:

– А погулять где-нибудь здесь найдется?

Подруга бывала на Крите, довольно много по нему поездила. Но упоминать о Лабиринте и прочих великих древностях не стала, зная мою неспособность восхищаться камнями (пусть даже и легендарными) и мою манеру подтрунивать над туристами, припадающими ко всем святыням, рекомендованным путеводителями.

Тут уместно добавить, что Судьба, со свойственной ей иронией, меня наказала достойно: моя собственная дочь стала археологом и уже не раз тщетно пыталась пристрастить меня к каким-то бывшим склепам и пустым саркофагам. Недавно демонстрировала снимки обнаруженной гробницы царя Ирода. «Посмотри, – говорила она, склоняясь над моим плечом и кивая на бликующий экранчик смартфона. – Ты только глянь на эту красоту!» Я же видела одни лишь камни, беспорядочно нагроможденные.

«У тебя нет ни капли воображения», – огорченно вздохнула дочь.

И это правда. Я способна понять красоту собора, уют какой-нибудь средневековой аптеки с ее старинными склянками, медными ступками и перегонными аппаратами; готова бесконечно искать свой улов в авоське венецианских *кампо* и *калле*, но не в состоянии мысленно достроить стены над мертвыми камнями, возвести в воображении арки, вставить витражи в свинцовые переплеты окон, воздвигнуть купола и шпили...

Подруга появилась на балконе с мокрыми после душа волосами, в банном халате – как обычно, бодрая с утра. Достала сигарету из пачки, закурила...

– Знаю-знаю, – сказала, отгоняя дым ладонью. – Тебе нужно «вещество жизни», да? Таверны, море, вино, лавки со всякой пыльной дрянью, живописные идиоты, уличные драки...

– Можно покататься на кораблике, – примирительно заметила я. – Только, за-ради всех греческих богов, никаких минотавров! Лучше просто нанять водителя и колесить по дорогам и деревенькам. – И кивнула на тихо звенящее стадо «кри-кри»: – Здесь должны быть отличное вино, потрясающее мясо и отменный козий сыр.

Так возник синеглазый василиск Василис.

* * *

Он заехал за нами ранним утром: в июне на Крите надо ловить утреннюю прохладу, подставляя лицо гуляющему ветерку, погружая благодарный взгляд в сине-зеленые тени платанов.

Одет был наш полугид в легкий светлый костюм, довольно элегантный, и, хоть галстук, видимо, не входил в его гардероб, воротник расстегнутой у горла белой рубашки был отглажен и весьма красиво оттенял загорелую шею и лицо с грозным носом, но полноватыми, добродушными щеками. Небольшая лысина тоже была отполирована природным золотистым загаром.

Он был безупречен: представился, вежливо осведомился, куда бы дамам хотелось ехать, – в сторону Ливийского моря, например? Знаменитый монастырь, горные деревушки, великолепный пляж? Кастели? Фаласарна? Хрисоскалитисса? Полириния? Платанос?

– О'кей, – любезно отозвалась моя подруга, а по-русски вполголоса добавила: – Хрен с ним, пусть везет куда знает. Главное, чтобы вывез к пляжу... забыла название, что-то зубодробительное, но дивное море и странный розовый песок – я была там в восемьдесят пятом году.

...Минут тридцать летели по прибрежному шоссе, пролистывая синие окна и двери домов приморских деревень. Мелькали таверны, пансионы, сдобные византийские церкви, похожие на пасхальные куличи. Некоторые меньше моей кухни. У меня вообще-то большая кухня, но подобное пришедшее на ум сравнение все же слегка обескураживало.

Апогей этого умиленного церковного уюта я видела по дороге из аэропорта: на хвосте выступающей в море косы, длинной и узкой, как лезвие критского кинжала – словно лягушонок вскочил на травинку, – сидела церковка размером с исповедальню, едва ли не в человеческий рост – и была как гриб-боровик, выросший сам-три, с тремя голубыми шляпками.

А когда свернули на проселочную дорогу, уходящую вверх, в горы, нам все чаще стали попадаться совсем уж миниатюрные – высотой с напольные часы или даже меньше – часовни на обочинах. Они похожи на тщательно сработанные макеты церквей – с нефами, барабанами, куполами и окнами. Внутри крошечной залы за стеклянной дверцей помещена толстая свеча или масляный светильник. На мой вопрос, к чему эти милые, но неуместные на такой крутой дороге развлекалки, Василис меланхолично ответил, что это придорожные капеллы в память о погибших в авариях. Их ставят осиротевшие семьи... либо сами жертвы, добавил он, в память о спасении.

– Смотря в каком виде жертва выползла из госпиталя, – хмуро заметила на это Регина. Заядлая курильщица, она уже мечтала о привале: «полюбоваться пейзажем».

Судя по тому, что подобные мини-капеллы мелькали на дороге каждые два-три километра, можно было судить о набожности местного населения, равно как и о манере водить, да и о качестве дорог тоже.

А наша похожая на тропу дорога вязала узлы и петли, взлетала вертикально, падала вниз, вокруг все теснее сдвигались горы, втягивая макаронину тропы в глубину ущелья; извилисто сияло небо меж вершинами гор, стущаясь в ярчайшую синеву, исчирканную хищным полетом каких-то крупных птиц...

– Тополия, – проговорил Василис, останавливаясь и притирая машину к отвесному боку скалы. – Кофе, туалет, сувениры...

Дома старинной деревушки с прелестным именем Тополия похожи на все средиземноморские небогатые строения: прямоугольные, приземистые, с опоясывающими весь дом деревянными балконами. Они лепятся по склонам ущелья на первый взгляд как попало, без малейшего намека на разумный порядок улиц. Вблизи оказывается, что улицы все же есть, но выются-завиваются по горам, как залиvistые мелодии местных песен, как тесное небо между вершин, как длинные лисьи хвосты в греческих именах и названиях.

Над кольцами опасной горной дороги висит кафе «Романца», к которому подняться можно по выбитым в скале узким беленым ступеням без поручней. Подниматься лучше всего боком, спиной к скале. И в самом кафе, слепленном, как корзинка, из трех – лесенкой – маленьких террас (на каждой по пять столиков), тоже ловчее всего двигаться боком.

Мы присели за стол на второй террасе и заказали кофе. Моя подруга достала сигарету из пачки, щелкнула зажигалкой и с наслаждением затянулась, а Василис деликатно отчалил к группе мужчин за соседним столом, где немедленно включился в громкий разговор. Судя по всему, ему были знакомы все здешние посетители – водители автобусов, гиды, какие-то местные старики... Один сидел поодаль, поигрывая четками: наматывал нитку на палец, перебирал бусины, сбрасывал их по нитке две-три зараз, опять покручивал... никакой святости, просто занятие для рук.

Подруга проследила за моим взглядом и сказала:

– Комболай!

– Что?

– Четки у них называются «комболай». Вот надо же, вспомнила... Обрати внимание, у многих местных – голубые глаза. Это венецианцы погуляли. Триста лет – не копейка. Что интересно: пребывание здесь венецианцев во всех путеводителях называется господством, а вот владычество турок – игом. И то сказать, венецианцы строили здесь церкви и порты, а турки – мечети и бани. Ну, и лютовали – будь здоров! Половину населения вырезали.

За прилавком киоска стоял сам хозяин кафе, Манолис – я опознала его по фотографии на придорожном щите. Он и одет был как на той фотографии – в черной традиционной рубахе, черных брюках, заправленных в высокие критские сапоги, на голове сарийки – черный платок с бахромой, спадающей на лоб, – странный такой головной убор, будто оторванный от скатерти лоскут на голову повязан.

Высокая крупная девушка, возможно, дочка Манолиса, принесла нам кофе на маленьком подносе, двигаясь экономно, как стюардесса в самолете. И, как у стюардесс компании греческих авиалиний, у нее были (книжный образ аллегорической Эллады!) крутой подбородок, прямая сильная шея и прямые плечи.

Солнце выплеснуло на ржаво-зеленую вершину высокой горы озерцо золотого огня, и утренний сумрак ущелья вспыхнул, зарумянился и застрекотал разом. От чашек поднимался густой кофейный аромат, в него вплетались запахи горных трав; не сходя со стула, можно было протянуть руку и коснуться скалы, поросшей острой травой и крошечными синими и желтыми цветами. Тенистая излучина в скале, в которой странным древесным наростом прилепилось это ступенчатое кафе, являла сгусток суеты среди суровой и отрешенной крутизны гор.

Внизу на дороге непрерывно гомонила и двигалась своя жизнь: останавливались машины и автобусы; из них вываливались туристы, карабкались по ступеням вверх, первым делом бросаясь к кабинке туалета, подвешенной к скале, как люлька; затем выстаивали очередь к киоску за кофе и мороженым и, наконец, заговаривались сувенирами... Через эти три террасы проходили за день сотни туристов. Сколько литров кофе варил в своем закутке Манолис с рассвета до закрытия? Да и закрывалось ли это кафе вообще?

Монотонно и негромко в динамиках притоптывала ритмичная народная музыка, но не могла заглушить остервенелый ор цикад.

Цикады здесь гремят, как водопад. В этом звуке есть даже нечто металлическое, будто в глотке у каждой сидит заводная машинка и что-то выпиливает, а наружу сыплется стальная стружка. Где ни присядешь на минуту – на скамье у остановки автобуса, за столик на террасе таверны, на лужайке возле бассейна, – немедленно раздастся галдеж цикад, которые орут, как гуси на ферме.

С верхней террасы спустился Василис с биноклем.

– Что-то интересное смотреть, – сказал он, увлек меня к висящим над пропастью шатким деревянным перилам и сунул в руки бинокль. – Вон там, вверх. Пещеры. Да?

– Да, – согласилась я, глядя в кучерявые гребни горы, еще ничего не замечая и в следующий же миг – ага! – в ослепительном сегменте солнца заметив два черных отверстия в одной из вершин.

– Смотреть в бинокль, там орлы!

Я послушно приложила к глазам тяжелый бинокль и стала наводить окуляры. Неожиданно близко и ясно возникли передо мной сухие кусты у входа в крошечную темь, и вдруг – огромный, с костистым клювом, с головой римлянина орел снялся с камня и взлетел в небо, полоснув синеву могучим крылом...

В тот же миг я – как в юности – ощутила под ребрами взрыв жаркого счастья и удивилась, что это еще случается со мною.

– Ну, что там за пещера? – спросила моя подруга. – Это в которой Зевса прятали?

– Нет, – важно ответил Василис. – Та – Диктеон. Не здесь. Ехать другой маршрут. Сейчас покупаем сувениры и ехать дальше в знаменитый монастырь.

Видимо, как и все гиды повсюду в мире, он получал у Манолиса какой-то свой приварок от купленных туристами безделушек.

Проворно снял с полки критский нож, вытащил его из ножен и показал надпись на лезвии:

– Вот, здесь поэтри. Песня. Написано вот что: «Я критский нож, оружие чести и правды. Но я и память о вечной дружбе».

– «Могу вам в рифму выпустить кишки...» – пробормотала по-русски Регина. – Ты знаешь, что на Крите до сих пор процветают традиции вендетты?.. Нет, Василис, – сказала она, – сувениры будем покупать не в этой забегаловке.

Я все же купила тощий путеводитель по Криту на русском языке (издательство называлось просто: «Братья Марматаки») и долго стояла перед крутящейся этажеркой с открытками, но так и не смогла выбрать ни одной: все они казались пересиненными, перелазуренными – прошедшими огонь и воду программы «Фотшоп»...

Но когда, выюлив из ущелья, мы двинулись в сторону монастыря с хрустальным, как прозрачный ручей, именем Хрисоскалитисса и, покурлесив по горам, дорога сделала крутой разворот и вдруг вынырнула, взмыла вверх, расталкивая пространство в обе стороны, внизу ахнула такая пересиненная синева моря с такой перебеленной, перекрахмаленной пеной на закорках барашковых волн, что вздох застрял в горле.

Вот это был «Фотошоп»! Это был грандиозный «Фотошоп» обезумевшей в первозданной радости природы.

Василис притормозил, чтобы мы полюбовались и дух перевели: на лобастом выступе скалы, белоснежный, с синими дверьми и ставнями, в точности такой, как на открытках в кафе Манолиса, над морем повис монастырь.

Выдержав эффектную паузу, Василис принялся с явной иронией пересказывать миф о золотых ступеньках этого монастыря, узреть которые способен лишь человек с чистыми помыслами. «Я не видел ни разу, – добавил он, лукаво улыбаясь, – никакого золота на ступенях...»

В сущности, на монастырь хотелось смотреть издалека – бело-синий, напластованный веками, со всеми кельями и пристройками, окруженный маленькими, как свечки, кипарисами, он был совершенен в своем эклектичном несовершенстве.

Но наш гид настоял, чтобы мы посетили святую обитель. И напрасно: как только мы вошли в уютный, крытый виноградной лозой дворик и стали подниматься по выбеленным каменным ступеням (на краю каждой пенились розовой и красной геранью разномастные глиняные горшки), мы услышали какой-то механический рев, оскорбительный для слуха в сей блаженной обители.

Ярко-синие двери в церковный зал были приоткрыты, и там, в полутьме, щуплый, как подросток, монашек деятельно пылесосил красно-синий ковер с критским орнаментом...

* * *

От монастыря взяли курс на пляж Элафониси, тот самый, о котором вспоминала Регина; минут пять они с Василисом перебирали названия, наконец она воскликнула:

– Да-да, он самый! – И Василис закивал, развернулся, и мы стали спускаться с высоты к неохватному простору синевы всех градаций: от лазури и изумруда до фиолетовых и чуть ли не черных разводов в местах глубоких впадин. Навстречу выгнулась широкая полоса песка, действительно розового (Василис сказал, что в составе его размельченные кораллы), и поодаль всплыла желто-зеленая клякса островка, до которого можно добрести по прозрачному мелко-воду.

Дорога, и прежде заковыристая, превратилась в пыточную колею: нас подбрасывало и швыряло то друг на друга, то на спинки передних сидений. По днищу автомобиля скрежетали крупные камни.

Заповедник, объяснил Василис, по-прежнему невозмутимый и благорасположенный ко всему окрест; Элафониси – заповедник, потому и дорога более чем скромная.

– Более чем скверная, – поправила Регина. – А что, в заповеднике туристу положено перевернуться и покалечиться?

– Да нет, – так же ровно и приветливо отозвался наш гид. – Просто много машин, много людей, природа – плохо... Лучше меньше машин, больше природа, чистый пляж...

– Резонно, – хмуро отозвалась моя подруга.

Ни одного отеля, ни мало-мальски скромной гостиницы, ни даже пансиона не встретилось нам на этой дороге. Впрочем, на окнах двух-трех домов ближайшей к заповеднику и, пожалуй, единственной деревни висели картонки с рукописным обещанием Rooms. Повсюду летали тучи крупных бронзовых мух.

На берегу среди молодой кедровой поросли приткнулись две торговые точки. Одна – «шоп», или, как Василис произносит, «соп», – вагон, набитый пластиковыми тапками, майками, брелоками, дешевыми купальниками и полотенцами с неестественно изогнутыми розовыми купальщицами, такие полотенца плескались под ветром по дороге на Иваново году в девяносто восьмом.

Другая хижина воздвигнута у самого берега: деревянный настил под тростниковым навесом, на нем несколько грубо сколоченных столов со скамейками и дощатый киоск, торгующий всякой съедобной и не очень съедобной всячиной от гамбургеров до мороженого.

Мы въехали на стоянку – просто песчаную площадь, поросшую острой травой и кустарником. Здесь уже стояло несколько машин и два-три минивэна. Регина принялась копошиться в сумке в поисках купальника, объявив, что жаждет немедленно погрузиться в адриатическую волну. Я же, как многие замученные солнцем южане, всегда стараюсь укрыться в тени. Пока мы с ней договаривались, где и как встретиться, Василис опять куда-то исчез, растворился в худосочной кедровой рощице, пообещав, что вернется за нами через полтора часа. Может, у него и в этой деревушке жил кто-то из родственников или друзей?

Я нахлобучила шляпу и побрела под навес.

И тут роились летучие стада нарядных бронзовых мух, жужжа в унисон с шелестом тростниковых хвостов, свисающих с крыши.

Зато полоса розового песка и совершенно океанская, а не морская ширь искристо вспыхивала и не отпускала, властно нежила взгляд. Такой ласковой и глубокой синевы мне еще видеть не приходилось: тяжелое колыхание шелка, огненный кобальт на гребнях ленивых волн... Глаз не хватало отметить все оттенки интенсивной лазури с мозаичными вкраплениями малахита, изумруда, темного и светлого сапфира...

Вдоль широкого раскатистого прибоя бегал явно бездомный черный пес; низко опустив лохматую голову, разыскивал что-то в песке. Временами он застывал над крабьей норкой, с размаху резко бил лапой добычу и затем ловко расправлялся с ней, высасывая вкусную плоть.

Я купила кофе в картонном стакане, села за стол, достала из сумки записную книжку и карандаш и стала писать, время от времени поднимая голову и сквозь оранжевую тень от

шляпы вглядываясь в ярчайшую, до рези в глазах, синеву горизонта: пыталась подобрать слова, которыми надо все это рассказать.

Как обычно, первыми подворачивались слова случайные, мутноватые, как осколки старого стекла, что выносят на берег волны. Точнее, как старая картина, что лет пятьдесят валялась где-то на чердаке у дальних родственников умершего художника. Но я знала: стоит смыть с холста нарост давней пыли, как проявятся более свежие краски. То же и на бумаге: снимая с неуклюжей, в застиранных лохмотьях фразы слой за слоем, дойдешь до такой прозрачности смысла, что имена предметов и существ станут почти невидимы, а сквозь них воссияет море, жужжание бронзовых мух, черная собака, бегущая по кромке прибора...

И я вычеркивала, писала поверх слов, опять вычеркивала, злясь на свое бессилие.

Кроме меня, на площадке сидела за одним из столов русская семья: женщина с двумя мальчиками, лет семи и пяти. Интеллигентная мама с воспитанными детьми – я даже готова была поклясться, что они из Питера: тамошних я узнаю по голосам, по аккуратным паузам между фразами, по внятной артикуляции. Эти переговаривались негромко и чинно, а мама дважды послала старшего мальчика к киоску, просить «у дяди» салфетки. И тот вежливо просил – по-английски.

– Ну что, отдохнули-подкрепились? – раздался за моей спиной мужской, бодрый и *мобилизующий* голос, какими говорят профессиональные экскурсоводы. – Давайте закругляться, милые, у нас еще в программе Ханья...

Я обернулась. Пожилой сухопарый мужчина выглядел именно профессиональным экскурсоводом: всем своим видом и даже выражением лица устремлен *к следующему пункту нашей программы*. Всюду русская жизнь, подумала я с удовлетворением.

– Саша, ты слышал? – сказала женщина младшему мальчику. – Доедай свой гамбургер, дядя Володя ждать не будет.

– Мам, я больше не хочу, – сказал мальчик, – можно собачке отдать?

– Какой собачке? – спросил мужчина и обернулся в сторону пляжа. И хмыкнул: – Да это же Маврос. Он не станет мясо есть.

– Почему? – удивилась женщина.

– А это, знаете, потрясающая история... – отозвался тот. – Мы спешим, но все же расскажу, и мальчикам полезно послушать... Этот пес раньше не был бездомным. Он жил у одного зажиточного крестьянина, тут недалеко, в Элосе. Крестьяне в Греции держат отары овец, так уж веками заведено. И вот однажды на Пасху – а в Греции Пасха самый большой праздник, чуть ли не каждая греческая семья в этот день жарит на вертеле целого барана – хозяин Мавроса принял за свой главный бизнес: резал овец на заднем дворе. Резал одну за другой, одну за другой – время-то горячее, считайте, заработок на целый год. Маврос, увидев всю эту ужасную резню, решил, вероятно, что и его ждет та же участь, и в панике бежал из дома...

– Надо же, – покачала головой женщина. – Бедный, испугался всей этой казни, да? Крови, освежевания туш... Я сама в мясных рядах всегда отворачиваюсь от свиных и бараньих голов. Они так жутко смотрят!

– Видите ли... – Мужчина умолк на полуслове и вдруг протянул руку и легко взъерошил светлые, по-девчачьи пушистые волосы младшего мальчика. – Можете смеяться надо мной, но я думаю, тут не только страх был. Это было мировоззренческое неприятие убийства...

Женщина прыснула, проговорила:

– Вы шутите! Мировоззрение? У собаки?

– Да, да! – горячо и строго возразил тот. И заторопился, заговорил быстрее: – То есть я хочу сказать, что... понимаете, пес больше никогда даже близко не подходил к своему хозяину. Никогда! Тот искал его, пробовал вернуть, упрашивал, пытался задобрить... Но Маврос рычал и убегал – видимо, испытывая к убийце отвращение. Да, именно: отвращение! Главное,

ведь... он стал вегетарианцем. Можете спросить хозяина киоска, он пса подкармливает. Тот с удовольствием ест овощи, даже картошку, а охотится весь день только на крабов...

Вернулась моя подруга, свежая и довольная, с мокрыми волосами и покрасневшим глянцевым лицом, купила в киоске мороженое и плюхнулась на скамью рядом со мной.

– Вода божественная! Балда ты, много потеряла.

– Ничего, искупаюсь у нас, то же море... Слушай, как можно перевести имя Маврос?

– Черныш, наверное. «Мавр» – это ведь «черный». А что?

– Ничего...

Я тоже купила мороженое, мы заболтались, я и не заметила, как русская семья с гидом уехала дальше по маршруту, в Ханью...

– Кстати, где наш Василис? – спросила Регина, оглядываясь по сторонам. – Интересно, куда это он исчезает? Тут же абсолютно некуда деться.

И как джинн из восточной сказки, что является по первому зову хозяина, Василис возник из-за рошцы молодых кедров. Шел он, впрочем, неторопливо, поигрывая прутиком. Но когда нашел нас взглядом, весь подобрался и выразительно выгнул кисть руки, указывая на циферблат часов. Так что минуты через три мы уже сидели в машине.

Перед тем как захлопнуть дверцу, я оглянулась.

На картонной тарелке остался лежать недоеденный гамбургер.

Черный пес, опустив лохматую голову, все бежал по мокрой полосе песка в ореоле солнечных бликов...

* * *

Судя по изрядной примятости правой щеки, Василис недурно где-то отдохнул, может, даже и соснул часок – во всяком случае, он стал много разговорчивей. Машина, взрываясь, взбиралась по той же крученой дорожке, а Василис, отрывая руки от руля и широко поводя обеими, говорил:

– Видали, сколько олив? Посмотрите – это все оливы, тут полно оливок! Наше масло...

Внушить ему, что мы сами приехали не из Ненецкого автономного округа, а из страны, где олива – самое привычное дерево, было невозможно. Он почти явно усмехался. Да и в самом деле – что могло сравниться с греческими оливами и греческим маслом?

Вдруг он остановил машину, открыл дверцу, спрыгнул вниз и куда-то убежал.

– Ну что еще? – спросила Регина. – Куда он делся, этот тип? Побежал отлить?

Тип скоро вернулся с сухим сиреневым соцветием в руке.

– Понюхай, – предложил мне, сунув кустик под нос. – Знаешь, что это?

– Лаванда? – неуверенно предположила я. Нет, запах был иной, не лаванды.

– Это фимиан! – гордо провозгласил Василис. – Фи-ми-ан!

– Фи-ми-ам, – подхватила я. – Его... используют в церковных обрядах, да?

(Я не знала, как сказать по-английски «курить фимиан».)

– А? Да-да, фимиан... У нас пчелы собирать мед с этих цветочков, и который мед – с фимиана – Крит экспортирует, потому что нигде такой мед больше нет, нигде. Только у нас!

– В Греции все есть, – по-русски сказала Регина.

И далее мы останавливались еще несколько раз, Василис спрыгивал, исчезал куда-то и возвращался с какими-то веточками, листиками, цветочками, давая нам понюхать и не отвечая на вопрос, когда же мы, черт возьми, вернемся в отель.

– Зачем – в отель? – наконец спросил он. – Рано еще. Можно в Ханью. Старый порт, венецианцы строили. Маяк. Очень красиво.

Видимо, он беспокоился, что, сократив программу, эти странные, нелюбопытные к достопримечательностям тетки сократят и гонорар за экскурсию.

– В отель – обедать! – скомандовала Регина.

– Может, пообедаем в Ханье, в порту? – спросила я.

Василис оживился, возмутился и заявил, что в отеле на пятьсот номеров не может быть хорошей кухни, что в порту полно туристов и слишком дорого, обдерут как липку, мыслимое ли дело... А обедать нужно здесь, недалеко, в одной деревне, в знакомом ему месте. Там готовят настоящую греческую еду, и так готовят, что мы никогда не забудем этого обеда. Умирать будем – вспомним обед у Доменикоса.

– О'кей, вези к Доменикосу, – сдалась Регина. – Но отвечаешь головой!

И пока за окном мелькали синие двери и синие окна белых деревенских домов, иногда чуть ли не полностью охваченных лиловой накипью бугенвиллей, моя подруга в предвкушении обеда с воодушевлением стала вспоминать о каком-то городке недалеко от Афин, который весь состоит из мясных ресторанов и таверн. Едешь по нему, а тебя справа и слева зазывают, чуть ли не за руки хватают колоритные греки в национальных костюмах...

– Есть такое традиционное блюдо, кукареци, к курице не имеет никакого отношения, – говорила она. – Его на закуску подают. Бараньи потроха, завернутые в кишки. Василис, любишь кукареци?

Тот что-то простонал в ответ причмокивающими губами.

– Ага, многие иностранцы брезгуют его есть, и напрасно: вкус умопомрачительный, мое любимое блюдо. Просто надо знать места, где его хорошо готовят... И, главное, в этих бараньих обжорных рядах в конце трапезы всегда подают густой йогурт с медом. Считается, что он помогает утомленному жратвой организму справиться с нагрузкой...

Я подключилась к обжорной теме, сообщив, что читала про одно греческое блюдо под названием «клеветико». И с большой охотой попробовала бы...

Тут они уже оба взвыли и наперебой по-русски и по-английски стали мне втолковывать, что клеветико нужно заказывать заранее, за сутки, потому что готовят его очень долго, зарыв в землю часов на двенадцать.

– В землю?! Очень вкусно...

– Ну да, как русскую кашу томят в подушках.

– Понимаешь, – сказала Регина, – мне греки объясняли: «клеветико» означает «украденное». Это еще с тех времен, когда батраки воровали мясо у хозяев и, чтобы все было шито-крыто, готовили его таким вот способом... Знаешь, где потрясающе готовят клеветико? На Пелопоннесе...

Наконец, взвинченные плотоядной темой и ощутимо голодные, мы въехали в горную деревушку. Оставили машину на асфальтированном пятачке перед зданием почты и пошли вверх по улице, туда, где, поднятая на сваях, над крутым поворотом выступала деревянная терраса, и на ней, облокотившись на перила и явно кого-то высматривая, стоял худощавый человек в черной рубахе и черных брюках, заправленных в критские сапоги. Я вспомнила, что Василис звонил кому-то с дороги, отрывисто бросая по-гречески фразы под наши гастрономические вздохи, и поняла, что нас встречает сам хозяин. На вывеске над его головой (я уже привычно переступала через *бракованные* буквы) было написано: «Таверна Филоксения». А глаза-то, глаза у этого Доменикоса были такими же синими, как у нашего василиска. Мы поднялись на длинную, затейливой формы террасу, что округло обнимала дом и будто с разбегу заворачивала за выступ скалы, к которой дом был припаян. В центре ее, сквозь деревянный настил пола, возносился неохватный зеленоватый ствол платана.

Вся терраса была клетчатой от красно-белых скатертей на столах и полна движением и игрой световых рефлексов – оранжевых, фиолетовых, зеленых. Это жила и дышала под ветром многослойная мощная, почти непроницаемая крона векового платана, и если уж солнечному

лучу удавалось где-то пробить себе щелку, он вспыхивал так яростно, что казалось, еще мгновение – и на скатерти, на деревянном полу, на спинке стула останется выжженный узор.

Хозяин подвел нас к столику у самых перил. За ними чуть ли не вертикально в гору поднималась альпинистская тропа, вдоль которой, брэнча тремя прозрачными струнами, бежал по каменному ложу тощий, но стремительный ручей.

Хозяин перекинулся с Василисом несколькими словами, после чего махнул рукой, заманивая нас куда-то внутрь дома:

– Пойдем, выберете себе еду...

Мы прошли помещением таверны – большой, домашней на вид комнатой с резным буфетом, старыми черно-белыми фотографиями на стенах, с четырьмя столами, покрытыми теми же веселыми скатертями, – и попали в кухню, тоже на удивление большую и домашнюю. Тут в высокой печи томились на противнях бараньи ребрышки, крупные ломти нарезанного мяса, жареная рыба – кусками и целиком... Я растерялась. Впервые в жизни мне предлагали выбрать еду не по книжке меню, а вживую, воочию, вождедея голодными глазами, вдыхая букет головокружительных запахов: пряностей, жареного мяса, томленного горячего жира...

– Только не шалей, – предупредила меня подруга. – У них здесь порции для Гаргантюа. Наш девиз: сдержанность и умеренность... Та-а-ак... с чего ж начнем?

Обвела глазами противни, обернулась ко мне и подмигнула:

– Дурак Маврос, а?

Возвращаясь на террасу, я задержалась перед фотографиями.

На них на всех, хмуря брови и рукой касаясь закрученного уса, в разных позах сидели и стояли вокруг стола гордые чернобровые, ястребиноликие мужчины в критских сапогах. Один был снят с лирой на колене: придерживая ее левой рукой и чуть повернув к невидимому зрителю, в правой он неумело сжимал смычок. Но это была, пожалуй, единственная фотография с мирным мотивом. На остальных явно преобладала военная тема, нечто партизанское: двое мужчин и девушка, у всех троих на груди бинокли, и все с ружьями; стоят, уперев приклады в землю. Мужчины опоясаны патронташами, критские кинжалы заткнуты за пояса.

Я вспомнила, как утром смотрела на орлов, зависших над курчавой вершиной горы...

Зеленоватый ствол гигантского платана возносил свою крону высоко над таверной; я прикоснулась ладонью к его шкуре с островками отшелушенной белесой кожицы и ощутила ровное живое тепло, как от большого спящего животного, бегемота или слона. Надо бы спросить у Доменикоса, подумала, сколько же лет это дерево дает тень этому дому?

Принесли стеклянный графин с бурым вином, крупно нарезанный хлеб в плетеной корзинке и несколько керамических плошек с вкуснейшими закусками и соусами – дома мы их называем затравками.

– Вот так делаем, – показал мне Василис, окуная хлеб в оливковое масло, протертое с помидором и травами, и отправляя в рот пропитанный, как губка, истекающий золотым соком ломоть.

И под одобрительные кивки моей подруги стал называть блюда, указывая пальцем на плошки:

– Задзики... мелидзана салата... хорта... мусака...

– Вот эту их мусаку попробуй обязательно, – наставительно сказала Регина, выкладывая на тарелку горстки закусок. – Очень забойная вещь! Они слоями выстилают баклажаны, фарш с луком и помидорами и тертый сыр...

Подошел Доменикос, осведомился, все ли хорошо, всем ли довольны дамы. Мы принялись закатывать глаза, качать головами и набитыми ртами издавать невразумительные звуки. Он кивнул с вежливым достоинством. После чего перешел с Василисом на греческий, и по оживленному тону разговора я поняла, что Василис довольно частый здесь гость, возможно, и друг семьи... (Впоследствии так и оказалось, судя по тому, что Доменикос не захотел брать с нас за Василиса плату.)

– В смысле жратвы они, конечно, язычники, – с явным одобрением говорила Регина, деловито оглядывая стол. – Ой, сейчас наша задача – не переборщить с закусками. Вовремя тормознуть!

Но как тут было тормознуть, когда, спокойно и мощно работая челюстями, Василис смачно и заразительно налегал на еду, заставляя нас пробовать то одно, то другое, и названия блюд звучали в его устах, как строки из Песни Песней... Он брал двумя пальцами жареный колобок картошки и, прежде чем отправить его в рот, любовно произносил:

– Пататес... Пататулес...

И всё называл ласково-уменьшительно: огурцы именовал не «огурья», а «огураки», кальмаров – не «каламари», а «каламараки», жареную вкуснейшую рыбешку мариду – «маридаки»...

А ведь он прав, Василис, думала я, окуная ломоть деревенского хлеба в плоску с золотым, чуть кисловатым соусом, – масло у них особенное...

Улыбающаяся хозяйка понесла из кухни одну за другой... нет, не тарелки это были, а миски, полные до краев. Мы с подругой взвыли: даже предполагая размеры местных порций, не могли вообразить ничего подобного, хотя и у нас в Израиле тарелки не похожи на блюдца и тоже всегда полны. Но тут явилось нечто циклопическое.

– Го-осподи, – простонала Регина. – Какого черта мы заказали еще и греческий салат?!

А греческий салат оказался особенно щедрым; поверх кургана резаных овощей покоился толстенный ломоть феты, величиной и формой похожий на мужскую ладонь.

Наконец стол был увенчан большим блюдом с жареными бараными ребрышками. Василис провозгласил: «Поедаки!» Я рассмеялась, а Регина заметила, что именно так они и называются, эти самые ребрышки, «поедаки», и поедаются так, что за ушами трещит...

Бурое домашнее вино в кувшине, вроде бы легкое поначалу, терпко цепляло язык (чуть более терпко, чем привыкла я за субботним столом у нас дома) и отлично оттеняло вкус жареного мяса. Жилистый ручей настырно брэнчал по каменному ложу, цикады выпиливали-выжигали невидимые узоры в придорожных кустах...

В какой-то момент я поняла, что эта терраса с платаном-Гаргантюа, пиршественный стол, на который под наши протестующие стоны все несли и ставили какие-то еще миски и тарелки, приветливо-невозмутимый Василис, дающий имена еде, как Всевышний давал имена растениям и животным, – весь этот долгий летний день в синеве и лазури я и стану вспоминать, когда Крит отодвинется в памяти в некое вечное сияние.

Возможно, я даже немного «поплыла», потому что мне хотелось все время повторять эти танцующие названия, и я, уже переполненная едой, зачем-то протягивала руку за еще одним ребрышком, восклицая:

– Поедаки! Огураки! Маридаки! Братья Марматаки!

...Отсюда, сквозь проем открытого, традиционно выкрашенного синей краской окна, была видна часть комнаты: фотографии суровых и стойких людей на стене и старое мудрое зеркало, как в украинском селе, обрамленное вышитым рушником. И мне подумалось, что вокруг здесь по деревням и городкам должно было осесть немало венецианской старины. Как это Регина сказала? «Триста лет – не копеечка...»

Непринужденно расправляясь с курицей руками, Василис рассказывал о своей семье: трое детей, всем нужно дать образование; хорошие школы, как и во всем мире, недешевы... Разговор заплетался, перескакивал с одного на другое. Не слушая наших вопросов, он уже рассказывал о Доменикосе и его семье, которой принадлежит таверна. Всё, буквально всё у них тут свое: козы, овцы, куры, свиньи... Они все делают сами, добавил он, – масло, вино... хлеб вот тоже сами пекут (и правда: соседняя дверь вела в булочную)...

– ...и даже соль намывают в море сами.

– Где ж это они ее намывают? – недоуменно спросила Регина.

– А вон там, – и подбородком, перепачканным жиром курицы, указал куда-то в том направлении, откуда мы приехали. – Там, на Элафониси...

* * *

Назад возвращались уже под вечер, хотя солнце все еще не устало, а небо еще вздымалось над островом горячей синей эмалью.

Пролистав в обратном порядке на главном шоссе все отели, лавки и домики, а также куличи византийских церквей, Василис въехал в Колимпари и минуты через две подкатил к нашему отелю. Мы уже заплатили ему за поездку и дали отличные чаевые, так что все трое были в прекрасном настроении и чрезвычайно довольны друг другом. Василис уже притормозил перед широкой лестницей к входу в отель... но вдруг решительно сказал:

– Минутку... еще минутку... что-то покажу... – и покатил дальше; дорога шла по главной улице Колимпари и, повернув в согласии с береговой линией, стала подниматься вверх, в гору.

Вскоре мощной крепостью впереди на холме воздвиглось коричневатое здание духовной академии, а еще выше – округлый купол церкви за белыми монастырскими стенами. Отсюда открывалась все та же блестящая морская чешуя, у берега наскоро сметанная белыми нитками прибой. Три невесомых перышка далеких яхт застряли на горизонте там, где синева морская сливалась с синевой небесной, перетекая друг в друга, начисто теряя линию слияния.

– Вот, – проговорил Василис, довольный и немного взволнованный. – Это – тоже... – и, видимо, устав за день от выученного бедного английского, выдал вдруг целую фразу по-гречески: роскошную, танцевально-ритмичную, дробно-раскатистую, как весеннее гроыхание грозы, и очень сердечную по тону...

* * *

Мы успели часок поспать, проснулись перед ужином, а солнце все еще не ушло, все блестяли взъерошенные загривки недорослей-пальм перед нашим балконом. Регина отправилась поваляться у бассейна, мне же – удивительно – все было мало света и цвета: «Дай мне синего, синего этого...»

Я пошла гулять по Колимпари, купила в затхлой, притененной ставнями сувенирной лавке еще каких-то открыток, отлично понимая, что, увезенные отсюда, они будут казаться неестественно раскрашенными, а моему художнику их будет даже стыдно показать... Вышла из сумеречной прохлады в ослепительный бесконечный день, свернула на улицу, по которой мы недавно ехали с нашим синеглазым водителем, и вдруг вспомнила, как, тормознув против узкой щели меж домами, чья вертикаль была заполнена синевой моря, он сказал:

– Вон там – таверна «У Никифороса». Тоже хорошее место!

Свернула в эту самую щель и вышла прямо к таверне, на берег моря. Ее терраса, сейчас совершенно безлюдная, одним боком была обращена в морскую синь окулярами трех каменных арок, а другим боком сопутствовала отрезку трогательного деревенского променада. Я поднялась по трем ступеням, села за деревянный стол лицом к морю и спросила кофе и воду.

Худой и явно уставший за день паренек-официант принес и поставил передо мной гра-
ненный стакан с водой и джезву, полную кофе. И я осталась одна, совсем одна на террасе.

За ее барьером к воде спускались нагроможденные друг на друга ржавые и мшистые
валуны; вода лениво колыхалась, елозила по ним солнечной прозрачной сетью, как юбка тан-
цовщицы фламенко, что отошла на минутку покурить и расслабиться. Чем дальше от берега,
тем вода становилась темнее, сгущаясь в глубокую лазурь, и наконец у горизонта уходила в
нестерпимую для беззащитного зрения ослепляющую синь...

С набережной сюда свободно заходили кошки и собаки. Взошла по трем ступеням цар-
ственная темно-рыжая псина, легла неподалеку от меня с великолепным достоинством, а у
самого стула молча примостилась терпеливая белая кошечка-подросток. К сожалению, мне
нечем было их угостить – после недавнего обеда в таверне «Филоксения» я еще не скоро могла
даже подумать о еде. Но ни та ни другая не уходили – возможно, просто решили составить
мне компанию.

По деревенской набережной, кое-как замощенной разновеликими плитами в щербинах
и выбоинах, проходила публика, едва не задевая руками и бедрами деревянный барьер тер-
расы. Прошла какая-то белокурая англоязычная семья с мальчиком лет двенадцати, с которого
ручьями стекала вода. Прошла парочка «наших» женщин, словно из анекдота: одна высокая,
с прядкой отважно выкрашенных в алый цвет волос надо лбом, с пунцовым лаком на пальцах
несоразмерно больших ног, другая – как нарочно, коротенькая и толстая – в профиль напоми-
нала саквояж, поставленный на две ножки от рояля. До меня донеслось:

– ...Ну и что это за брак за такой, говорю, – она старше его на пять лет...

– Если не на все шесть!

И опять я вспомнила стюардесс в самолете греческих авиалиний: их крутые подбородки,
высокие шеи, прямые плечи...

Впрочем, стюардессы всех в мире авиалиний тешат национальное самолюбие, являя
статуи и формы, воспетые в народных эпосах.

На террасе соседнего рыбного ресторана висел на веревке маленький осьминог, слегка
покачиваясь на ветру, как выстиранные трусы. Он был распят за три ноги тремя красными
прищепками.

Гремели, вопили, орали, отжигали цикады...

Мягко и прощально, глубокой лаской синела передо мной в овальной раме каменной арки
морская ширь Эгейского моря; и сквозь это окно в неопишумую синь я видела, как по мокрому
песку Элафониси бежит миролюбивый пес, выбравший свободу от людской жестокости.

Рассчитываясь, я вознамерилась дать пареньку полтинник на чай. Порылась в кошельке,
выудила оттуда пятьдесят центов, взгляделась в монету. На решке был изображен какой-то мест-
ный бородач, а по кругу русскими буквами написано: «ЛЕПТА».

Это было счастье – пронзительное, как вопль цикады.

Вот она, колыбель человека, думала я, – древнее щедрое, трогательное Средиземноморье.
И соль, намываемая в море, и в кувшине – домашнее вино, и мед из фимиама, и ломти свежего
хлеба, и удивительный вкус оливкового масла, смешанного с дикими травами.

Вот она, колыбель: смуглые византийские лица критян, их венецианские глаза, вобрав-
шие цвет моря и неба; синие, синие окна их дома...

И *лепта*, наконец; та *лепта*, которую и я внесла, – русскими буквами.

Мария Аверина Неуловимый дедушка

Когда из года в год ты лежишь в больнице не по одному разу, а по два или даже три, то начинаешь относиться к этому как к приключению. А особенно если попадаешь туда аккуратно посередине учебного года! Судите сами!

Бабушка каждый день приносит самые любимые вкусности: сушки, мятные пряники, овсяное печенье. Раскрасок и фломастеров вдоволь – ну, чтобы не скучно было. Сразу появляется много друзей. В твоём распоряжении большая игровая комната. А если повезет с соседкой по койке, чей папа будет достаточно состоятелен, чтобы договориться с медсестрами и врачами, – то даже телевизор в палате! И мультики ты по нему смотришь, когда захочешь, ни у кого не спрашивая разрешения.

Есть, конечно, во всем этом раю некоторые неприятности: не все таблетки сладкие, уколы бывают «болючие», не говоря уж о некоторых процедурах. Но они же не каждый день! А значит – все пустяки по сравнению с тем, что где-то там твои одноклассники пыhtят над контрольными работами по математике, потеют над словарными диктантами по русскому и зубрят английский алфавит.

...В этот раз первые две недели моего «лежания» проходили как никогда удачно. В первую же ночь я так ловко намазала зубной пастой задремавшую медсестру, что она не почувствовала, а трехдневное расследование этого сюжета всем заинтересованным медперсоналом результатов не дало. Это сильно укрепило мой авторитет среди соседок по палате, и я стала пользоваться привилегией выбирать, какие мультики мы будем смотреть, а какие – нет. Поскольку ночью спать никому не хотелось и шуметь было нельзя, а скучно было невыразимо, то мной была разработана целая спецоперация по перемещению на постоянное жительство магнитофона из игровой комнаты в нашу палату. Вслед за ним прибыли и наушники. Как автор проекта и его главный исполнитель, законной хозяйкой этого добра, естественно, стала я. На мне же лежала обязанность перепрятывать магнитофон так, чтобы его не нашли дотошные нянечки и медсестры. Это принесло значительные дивиденды: за право ночью слушать музыку в наушниках мне перепали мандарины, апельсины, авокадо, манго, кокосы, киви из передач, которые тайком от врачей по секретной веревке, спускаемой из туалета, прибывали в нашу палату от сердобольных родителей моих «сокамерниц». Это было тем более здорово, что вся эта экзотика лично мне врачами была строго запрещена и Бабушка по этому поводу не раз горестно вздыхала.

Кроме того, однообразную диету из ненавистой несоленой манной каши, холодного серого пюре, резиновой пресной синюшной вареной курицы и жидкого компота мне удалось серьезно разнообразить ловко «умыкнувшими» с кухни пол-батонном колбасы и внушительным кирпичиком сыра. Это было тем более актуально, что к тому моменту у меня уже имелась личная синичка, прилетавшая с завидным постоянством к стеклу нашего окна в ожидании подачек с больничного стола. Однако ей тоже порядком поднадоели больничный разваливающийся хлеб, тухлая прелая вареная рыба и каши. Ее еще радовали мои раскрошенные печеньки, но вот когда, свесившись в форточку с третьего этажа, я буквально с руки скормила ей кусочки сыра, мы подружились окончательно!

Словом...

Мое положение в больнице к началу излагаемых событий уже было комфортно, прочно и неизбежно. Лежать я собиралась долго, с удовольствием. По крайней мере, пока не наступят зимние каникулы. А там, «проболев» все контрольные, можно было и домой: нельзя же обма-

нуть ожидания ледяной горки, которую каждый год заливал в нашем дворе дворник – кто же, кроме меня, умел с таким шиком скатываться с нее на ногах!

Конечно, я скучала по Бабушке. Тех редких минут, которые отводились на наши официальные свидания, мне отчетливо не хватало. Кроме того, обниматься с Бабушкой при людях мне было как-то... неловко, что ли... А так хотелось раскинуть руки, разбежаться по больничному коридору и со всего маху уткнуться носом в ее юбку, обхватив колени...

Но в тот день все вообще было плохо. Бабушка привезла пакет вкусностей и, даже не присев, заторопилась:

– Машуля, родная, я уже поеду...

У меня на глаза навернулись слезы, но я не считала нужным, чтобы Бабушка их видела, и отвернулась.

– Ну что ты надулась? Я завтра к тебе обязательно прибегу, посижу с тобой подольше. А сегодня приезжает дедушка. Должна же я его встретить на вокзале.

Дедушка? Это было что-то новенькое. Родственников у меня был полный набор: Тетя, Дядя, Мама, Бабушка, Сестра, два двоюродных брата... никакого дедушки в этом комплекте никогда не наблюдалось.

– Какой такой дедушка?

– Твой. Дедушка Юра.

Я наострила уши.

– А откуда он взялся?

– Да он всегда был. Просто ты его никогда не видела. Он в Санкт-Петербурге живет.

– А почему ты мне про него никогда не рассказывала?

Но Бабушка отчетливо торопилась и как-то неопределенно махнула рукой:

– Потом расскажу. Побегу. А то поезд скоро прибудет.

И я в задумчивости побрела в свою палату.

Весть о том, что ко мне приезжает дедушка, стала событием для всего этажа. Каждый стремился рассказать мне, какой у него его собственный дедушка. Тут были дедушки, которые с внуками играли в хоккей или помогали делать математику. Были дедушки, которые умели колоть дрова и вытачивать дудочки. С какими-то дедушками можно было ходить в зоопарк или на каток. Они катали своих внучек на машинах и кормили их тайком от мам конфетами «Мишка». Правда, попадались и такие, которые обращали внимание на внуков только тогда, когда становилось излишне шумно, – да и то только затем, чтобы, приспустив очки, строго поглядеть или дать подзатыльник. Но я сразу решила, что это не мой вариант.

Ночь я провела тревожную. Дедушка представлялся мне то розовощеким и веселым, совсем как Санта-Клаус, которого мне подарили в прошлом году, то высоким и сухощавым, со строгим взглядом, как Папа Карло в книжке про Буратино. Я ворочалась с боку на бок, гадая, во сколько завтра придет ко мне Бабушка и что этот новоявленный дедушка принесет мне в подарок. Хорошо бы, чтоб он угадал, как мне до зарезу нужны стеклянные шарики, на которые, если их откуда-то взять, я планировала выменять у мальчика из соседней палаты колоду карт. У него они были такие новенькие, хрустящие, с завораживающей глаз красно-черной мелкой сеткой таинственно перекрещивающихся линий «рубашки». А еще мне там страшно нравились дамы, особенно пиковая! Она смотрела мне прямо в душу своими пронзительными раскосыми черными глазами... ее густые ресницы медленно опускались... а может быть, такие глаза были у моего дедушки? Он же завтра обязательно придет ко мне с Бабушкой... и принесет стеклянные шарики...

...Очнулась я оттого, что меня за плечо трясла медсестра.

– Смотри-ка... то не уложишь, скачет, как скаженная. А то не растолкаешь... Вставай, вставай, на Процедуру опоздаем. А то скоро обход, что я твоему лечащему врачу скажу.

За огромными окнами больничного коридора занимался мутный осенний рассвет. Сеял, сбивая последние желтые листья, мелкий противный дождичек. Я плелась за медсестрой, с трудом соображая, что я, где я? В голове гудело...

Вдруг одна из веток у самого стекла качнулась – на нее приземлилась огромная ворона. Перья ее были мокры и оттого светились, словно отколотый кусок антрацита.

Ворона взглянула на меня томным взглядом Пиковой дамы и, не торопясь разевая клюв, сказала: «Кар-р-р-р!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.